

АСИЯ
БУНИНА

ДОМ,
В КОТОРОМ
ПЕКУТ
Круассаны

Sugar Love. Солёная карамель

Асия Бунина

Дом, в котором пекут круассаны

«Издательство АСТ»

2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бунина А.

Дом, в котором пекут круассаны / А. Бунина — «Издательство АСТ», 2025 — (Sugar Love. Солёная карамель)

ISBN 978-5-17-172987-5

Француженка Адалин едет в Петербург и влюбляется в харизматичного байкера Илью. Она мечтает открыть кофейню с французскими круассанами, однако у отца Адалин совсем другие планы. Любовь, свобода и семейные обязательства переплетаются в остросюжетной романтической драме. Одна поездка в Санкт-Петербург может изменить целую жизнь. В первый же вечер француженка Адалин встречает Его. Притягательного, дерзкого и смелого Илью Стрелецкого с заметным пристрастием к татуировкам, байкам и головокружительной скорости. И противостоять такому соблазну невозможно. Адалин планирует бросить прежнюю жизнь во Франции, остаться в Питере и открыть кофейню, где будут печь самые воздушные и хрустящие круассаны по семейному рецепту. Однако у отца Адалин совсем другие планы... И он привык получать то, что хочет, – любой ценой. Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-172987-5

© Бунина А., 2025
© Издательство АСТ, 2025

Содержание

Заметки автора по поводу этой книги	7
Пролог	8
Глава 1	15
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Асия Бунина

Дом, в котором пекут круассаны

Посвящается моей маме, которая с такой охотой ездила со мной в Санкт-Петербург; которая вместе со мной изучала этот город вдоль и поперёк, ступая ноги в кровь и слушала об этой книге.

Серия «Sugar Love. Солёная карамель»

Иллюстрация LukChips

*Sugar
Love*

© Асия Бунина, текст, 2025
© LukChips, иллюстрация, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Заметки автора по поводу этой книги

«Дом, В КОТОРОМ ПЕКУТ КРУАССАНЫ» –они же просто *«круассаны»* — появились в эмоционально сложный для меня период и стали моей отдушиной.

Я всегда очень любила Санкт-Петербург, находила в нём своё спокойствие и умиротворение. Для меня это не просто точка на карте, не просто красивые фасады или интересные экскурсии; не просто ровные росчерки улиц – для меня это люди; набережная Невы и тихие вечерние прогулки; для меня это возможность подпевать уличным музыкантам; для меня это – спокойствие.

Я поместила Адалин в Санкт-Петербург не просто так – в первую очередь, мне захотелось дать ей то, чего не было у меня. Я почувствовала, что ей просто необходима эта свобода и спокойствие; я подумала, что Санкт-Петербург сможет стать для неё *домом*.

... домом, в котором она будет печь круассаны...

Пролог

Июнь, 2021 год

Санкт-Петербург, Россия.

– Ты издеваешься надо мной? – не говорит, а рычит Илья, на ходу накидывая на себя кожаную куртку и кивая другу впереди. – Аня! Какая Думская? Мы же обсуждали с тобой это.

– Илюш, пожалуйста, давай без нотаций, – проговаривает девчачий голосок на том конце провода. – Да брось, братец, просто забери меня отсюда.

Вместо её озорного голоса – короткие гудки, а внутри у Стрелецкого всё кипит. Кипит от злости, от раздражения и гнева. Ей уже далеко не четырнадцать лет, и Илья серьёзно думал, что ей можно доверять, но, как оказалось – нельзя. Потому что стоит ему задержаться на одной точке дольше обычного, как девчонка шмыгает из плотных оков его опеки и упархивает в сторону не самого благоприятного района. Думская. Боже, чем она вообще думает?!

– Завтра скинешь мне на почту сверки бухгалтерии. Скажу, что делать. – кидает Илья новому администратору.

Звенит колокольчик над дверью, скрипит пластик двери, и только тогда Илья выдыхает.

Улица бьёт в лицо ледяным влажным воздухом, окутывая его мелкими каплями дождя. Стояло начало лета. Ещё вчера ученики прощались со школой, а студенты с содроганием думали о приближающейся сессии. Около Казанского собора, напротив Дома Книги, распускаются густые веточки сирени, заполняя своим сладким запахом лёгкие приезжающих в Санкт-Петербург туристов. Дни становятся продолжительнее, и непроглядная тьма обходит Питер стороной даже ночами. Возможно, всё это может повлиять на его душевное равновесие, но увы и ах. Навалилось слишком много проблем, и загул Ани – далеко не главная. И, как это часто и бывает, если долго копить в себе что-то, рано или поздно это вырвется наружу; а вот чем – усталостью или психозом – всегда сюрприз. Судя по тремору рук, в этот раз выбор организма Ильи пал на второе.

Кирилл Воронцов, его верный друг и товарищ ещё со школьной скамьи, уже сидит на своём красном, отполированном до боли в глазах байке. Он ждёт Илью.

– Дай догадаюсь, твоя сестра опять учудила что-то? – Кирилл распахивает голубые глаза, поблёскивающие хитрыми огоньками, уставившись на друга. – Может, оставишь девочку в покое? Анька не плохая же, ну. А подростковый психоз нужно пережить всем. Ну, знаешь там... Ссора с родителями, песни Максим в наушниках. Обжимания по углам.

Илья так и замирает со шлемом в руках и поднимает на Кирилла ошалевшие серые глаза. Пальцы стискивают пластик шлема с такой силой, что он грозитя вот-вот покрыться трещинами. А Кирилл, заметив напряжение друга, тут же тихо смеётся, поднимая обе руки вверх.

– Ладно. Без обжиманий по углам.

– Прекрати свои шуточки, и помоги мне вытащить из этого гадюшника Аню, – Илья перекидывает ногу через свой чёрный мотоцикл и с силой бьёт по небольшой подножке.

Сталь оставляет на стопе неприятный ушиб, но, когда зажигание проворачивается, становится немного легче. Будто бы вместе с выхлопным газом выходит это чёртово тянущее чувство под грудью, которое так сильно мешает дышать.

Ничего не мешает.

Не мешает сильный ветер, не мешает мелкий противный дождь, капли которого своеобразным узором падают на шлем и лишают Стрелецкого нормальной возможности видеть дорогу; не мешает какое-то непонятное чувство тревоги, накрывающее его плотными волнами. Есть только он и дорога. Скорость одурманивает... Когда поворачиваешь газ, чувствуешь освобождение; словно все твои проблемы исчезают в пыльном облаке под массивными колёсами. Илье нравится наблюдать за тем, как стрелка спидометра переваливает за сотню.

Илья знает о своих сложных отношениях со скоростью как никто другой. Ещё девять лет назад он, как обезумевший, разгонял свой мотоцикл до искр из под колёс, не думая тогда ни о работе, ни о сестре.

Тесный переулочек встречает его громкой музыкой и кучкой полуживых пьяных людей, которые еле-еле волочат за собой ноги. Думская – всего лишь название, а сколько ассоциаций! Да каждый нормальный человек обходит эту улицу стороной, но о том, что любители острых ощущений не упускают возможности должным образом покутить здесь – забывать не стоит.

Стрелецкий тут слишком давно не был, а потому, с непривычки удивляется концентрации пьяных молодых людей на один квадратный метр. Аня соизволила скинуть точное название клуба обычным текстом, и Илья ей безмерно за это благодарен. Они с Кириллом останавливаются, и Стрелецкий стягивает с себя шлем, глядя на друга.

– Иди пока без меня, никак не могу найти мобильник, – Кирилл морщится, запуская руку в сумку.

Илья кивает и закидывает ключи в карман куртки. Неоновые вывески бьют по глазам. Шум и гул вперемешку с музыкой давят на уши. Стрелецкий внимательно наблюдает за входом. Вдруг ему повезёт, и сестрица сама выползет наружу, а ему не придётся заходить внутрь?

Чья-то хрупкая ладонь ложится ему на плечо, и Стрелецкий хочет скорчить недовольное лицо, но ошибается. Его находит не Аня, а старая знакомая. Её крашенные пепельные волосы едва касаются плеч, а зелёные глаза сияют в свете неона так ярко и хитро, что Илья невольно замирает. Красные губы расплываются в широкой улыбке. Женя Павлецкая какое-то время работала у него администратором в одной из студий тату, а год назад отправилась в маленькое кругосветное путешествие, из-за которого они виделись редко. Она всегда куда ближе общалась с Воронцовым, пусть все они втроём и учились когда-то давно в одном классе. Стрелецкому вполне хватало и её постов в социальных сетях для того, чтобы понимать, где эта неугомонная девчонка находится сейчас.

Женя смеётся и улыбается ещё шире, по-дружески обнимая его. И Илья тянется к ней в ответ, поглаживая хрупкую спину.

– Какими судьбами, Илюш? – кричит она, стараясь перекрикнуть смесь разных музыкальных композиций, и сверкает хитренькими зелёными глазками. – Я думала, ты уже вырос из подобного.

– Аня, – коротко и с улыбкой отвечает Стрелецкий. – Ты же знаешь, для меня Думская – как триггер.

– Помню-помню, – Женя коротко кивает. – Я тут не одна, так что мне надо идти, – девушка многозначительно кивает в сторону входа в клуб. – Кирилл говорил мне, что вы всё так же не изменяете своим традициям, да? Собираетесь по субботам в том загородном домике его родителей?

– Верно, – Илья кивает тоже. – Правда, последнее время с этим были проблемы. Я открыл новый тату-салон, и собирались мы, если повезёт, раз в месяц. Так что ты ничего не потеряла, пока была... Ах, я уже и запутался, где ты там была, лягушка-путешественница, – Стрелецкий с интересом смотрит на подругу, пока Женя смеётся и похлопывает его по плечу.

– Но завтра же всё в силе? Отметим открытие новой точки и мой приезд, – Женя улыбается. – Я пойду, иначе потеряю свою подружку. Знаешь, она не местная. Передавай от меня привет Ане. Безумно соскучилась по всем вам! – Павлецкая обнимает Илью на прощание и юркой змейкой ныряет в двери клуба.

Аня не появляется. Стрелецкий заходит внутрь небольшого клуба, протискиваясь сквозь толпу, подпирающую стены в коридоре. Музыка льётся из множества колонок, взгляд цепляется за каждую милостивую брюнетку небольшого роста, но такие поиски ни к чему не приводят – Илья не видит её. Хоть помещение и маленькое, но вот так, стоя в толпе, сложно как-то сориентироваться в пространстве и найти сестру, которая раз за разом находит приключения.

– Ты где? – тут же кричит в трубку Илья, как только на экране мобильного высвечивается «Аня».

– Илюш, я дома уже, – еле-еле проговаривает девчонка, пока сам Стрелецкий еле сдерживает праведный гнев. Ох и получит же Аня дома подзатыльник!

– Ты, твою мать, шутишь так со мной?!

– Я не выдержала и вызвала такси. Про-сти-и-и, – тянет она своим высоким голосом, пока Илья нервно подпирает барную стойку и напрягает слух, чтобы хоть что-то услышать. – Я спать, а то мне плохо так. Завтра поговорим. Всё, люблю-целую!

– Вот говнючка, – шипит Илья себе под нос и делает заказ у бармена.

– Вижу, Анята всё-таки выскользнула из твоих сильных братских лапок, – Кирилл вмиг оказывается около Ильи и кивает бармену. – Мне то же самое, что и ему. Я же говорил тебе, оставь сестру в покое. Гиперопека до добра не доведёт.

– Вот только советов мне сейчас не хватает.

В куртке тут жарко, но таскать в руках её тоже не хочется. Чёрные кроссовки уже донельзя истоптаны толпой, белая футболка ярко отражается благодаря неоновому свету. Илья рассматривает каждого, кто попадает в его поле зрения, но в итоге цепляется взглядом лишь за одну.

Невысокая хрупкая блондинка танцует изящно. Она не пытается привлечь к своей персоне мужское внимание. Она танцует для себя. Так, словно через свои движения пытается забыться, как забывается Илья, набирая скорость за рулём мотоцикла. Губы Ильи растягиваются в улыбке, и Стрелецкий сам не понимает, как уже идёт к ней, протискиваясь сквозь танцующих. Через несколько минут он уже так близко, что может рассмотреть россыпь родинок на её спине и стойкий запах её парфюма. Парень наклоняется чуть вперёд и, всё так же пытаясь перекричать громкую музыку, произносит:

– Красиво танцуешь.

Она оборачивается. Так странно, оборачивается она, а вверх дном всё переворачивается у Ильи. Его взгляд скользит по её тонким чертам лица, по красиво сложенному телу, по карим и тёплым глазам. Он смотрит, глаз отвести не может, и невольно улыбается самому себе.

Она отвечает ему что-то: но то ли Илья так зачарован её карими глазами, то ли шум вокруг не даёт ему услышать её тихий голосок. Но даже если бы Стрелецкий и услышал, то не смог бы найти ответ. Потому что был полностью поглощён ей. Музыка будто затихает, а все танцующие исчезают, оставив их наедине. И это странное чувство растекается внутри Ильи, как мёд, и заставляет его улыбаться, как умалишённого.

Переход между песнями плавный, и народ на танцплощадке воеет от предстоящей композиции. И незнакомка тоже не может сдержать восхищённого вздоха и распахивает карие глаза. Свет софитов обжигает глаза Ильи, потому что он просто не может отвести взгляд – стоит и пялится, как какой-нибудь идиот.

Тихий хлопок тонет в череде звуков. И девушка поднимает голову вверх, но Илья продолжает смотреть на неё. С потолка сыплются разноцветные конфетти, которые блестят в свете софитов. Они похожи на падающие звёзды. Сбудется ли желание, которое он загадает? Блондинка вытягивает руку, чтобы поймать один блестящий кусочек фольги, чуть сжать её и отпустить. Яркие блики вспыхивают перед глазами, заставляют Стрелецкого поморщиться, прикрыть глаза на секунду. Его начинает одолевать головная боль. И в эту короткую секунду он вспоминает недавний разговор с Кириллом.

– Свобода не в том, чтобы толкаться в узком ярко-освещённом пространстве под бит, – он упирался ногой в поребрик, чтобы придержать мотоцикл, неотрывно наблюдая за тем, как настроение друга сменялось с задорно-загадочного на упёрто-проницательное.

Кирилл знал Илью достаточно для того, чтобы по одному только взгляду узнать о его серии одиноких скитаний от бара до бара в попытке отыскать «то самое» настроение. Но Стрелецкий не собирался сдаваться без боя, даже в тот момент, когда его друг ехидно захохотал.

– Ещё скажи, что тебе это не нравится.

– Тогда ты отстанешь от меня?

– Нет, конечно, – беззлобно ответил Воронцов и пожал плечами, направляясь к своему мотоциклу. – Потому что я тебе не верю. Ты всегда был сумасшедшим на всю голову и никогда не отказывался от возможности расслабиться. Неужели что-то поменялось?

Проблема была в том, что внутри Ильи клокотало слишком много разнообразных чувств. В такие моменты особенно важно было выудить из потока что-то одно и сосредоточиться, чтобы неровный ритм эмоций не отразился на его собственном поведении. Но никогда ещё прежде ему не доводилось отказывать Кириллу, а потому Илья надел шлем, затянул ремни и опустил забрало. У него было около получаса, чтобы позволить себе расслабиться. Сжать в своих руках рычащего металлического зверя, позволить ветру впиться в кожаную куртку ледяными когтями и подарить чувство нескрываемого восторга. Жажда адреналина ускоряла его. Обгоняя машины, пересекая перекрёстки на свой страх и риск, игнорируя красные огоньки, Илья поддавался соблазну жить так, как будто завтрашнего дня уже не будет. И всю свою жизнь он прыгал от островка к островку, отчаянно, крепко, хватаясь за края, лишь бы не утонуть. И Кирилл всегда был рядом. Мчал на той же скорости, орал что-то, чтобы перекричать ветер и задорно вилял задницей мотоцикла, чтобы призвать к действию. Потому что без этого мир, казалось, мог просто исчезнуть.

Обычно Илья не смотрит так пристально. Не ловит детали и не прилипает к ним жадным взглядом. В иные дни он не придавал бы этому значения. Не увидел бы её поднятые руки, переполненное эмоциями лицо и каплю истинного восторга, смешанного с чем-то ещё. Так сложно было вычленивать этот изумруд из горы других самоцветов, протиснуться через чужие тела и не потерять по дороге самообладание. Но так легко при этом оказалось коснуться пальцами волос, чтобы добраться до самого уха. Ему не показалось, незнакомка обладает истинно завораживающим шармом, от которого по спине бегут мурашки.

– Не хочешь познакомиться? – он улыбается, когда она отшатывается от него.

– Pardon?

Она так грациозно к нему приближается и так нежно и ласково шепчет на французском, что Илья решается сказать иное.

– А ты научишь меня французскому поцелую, маленькая французская пташка? – срывается с его губ.

Илья цепко хватается девушку за талию, сокращая последнее расстояние между ними, и начинает двигаться, напоминая об острой необходимости танцевать. Яркая и игривая улыбка озаряет его лицо, и юноша с интересом опускает взгляд ниже, на её губы, которые так хочется поцеловать прямо сейчас, вопреки всем правилам.

Феерия продолжается. Он крепче сжимает её талию.

Незнакомка не отвечает ему, словно хочет остаться в его голове «таинственной французской пташкой». Завтра утром он будет думать, что она – какая-нибудь иностранная туристка, наивно забредшая в чертоги этого ада. Иногда нам всем хочется создать вокруг себя «сказку» и «легенду». Так пусть это случится сегодня. Она танцует здесь в поисках настоящего веселья, ровно как и он. И веселье объединяет их. Илья снова просит показать ему французский поцелуй.

Девушка делает вперёд полшага, которые разделяли их; становится практически вплотную. Пальцы одной из её рук скользят по его плечу, вверх; ноготками она едва царапает кожу Ильи между воротом майки и линией роста волос – потому что ей нравится его рваный,

нетерпеливый вздох. Это действует опьяняюще. И она тянется за этим ощущением, встаёт на носочки.

Сомнительные встречи, короткие свидания... И удивительное облегчение от разрыва с очередной красоткой. Двигаясь в таком обезумевшем ритме он что-то ломает в себе, но раз за разом возвращается на исходную позицию, в надежде ощутить, что что-то изменилось. Но, на самом деле, не меняется ничего. Обезумевший мир остаётся таким же, каким и был до этого, а скука обнимает со спины и окутывает так раздражающе, что хочется её послать. Мир словно ждёт, когда Илья сломается. Терпеливо подкидывает одни и те же сюжеты, утягивает в свою власть ради секундных эмоциональных всплесков, а после – разбивает всё это, такое важное, вдребезги.

Этот механизм ломается где-то посередине. Заржавевшие шестерёнки скрипят под зубами, дрожат и прекращают своё бешеное вращение. Мир сжимается до границ их тел, мерцает, отражается в зеркале карих глаз незнакомки. Она обжигает в своей красоте, не смотреть на неё невозможно. Несмотря на отзывчивость, с которой она приближается к нему, Илья ощущает, что она – абсолютно не такая, как все остальные. В ней переплетается так много всего, о чём вслух говорить неправильно, что он тяжело выдыхает без слов, будучи не способным переключиться на свои правила игры. Ему слишком интересно смотреть на то, как её восторг туманит голову им обоим. Как конфетти в её волосах мерцают от каждого движения.

Она напоминает ему одно из фэнтезийных существ, о которых читает Аня. Фея, нимфа, фейри, прекрасная гурия. Она – не реальность вовсе, а лишь плод его больной фантазии. И Илья искренне боится того, что как только их губы соприкоснутся – она просто исчезнет.

Её губы совсем нежно, практически невесомо прикасаются к его губам. Она словно бросает ему вызов, дразнит. Или даёт возможность забыть об этой затее? У него внутри всё трепещет, но он отвечает на игривый жест незнакомки. Девушка зарывается одной рукой в его волосы, а вторую руку кладёт ему на плечо. Поцелуй со стороны незнакомки был мягкий, тягучий, как карамель. Она не даёт Илье сделать это соприкосновение губ страстным, мокрым, глубоким, просто потому что хочет, чтобы он запомнил её поцелуй именно таким – неторопливым и сладким до скрипа на зубах. Она хочет, чтобы Илья прокручивал всё в голове позднее и сходил с ума.

Хочет, чтобы он никогда в своей жизни не смог забыть её.

Металлический звук рвётся из колонок, а софиты ослепляют, размывая мир до черных белых пятен. Однако это не мешает Стрелецкому вновь найти девичьи губы и встретить их в новом неспешном поцелуе. Пусть их уста двигаются до безобразия медленно и неспешно, но каждое движение способствует тому, чтобы внутри горел пожар.

Когда губы незнакомки приоткрываются, Илье удаётся уловить кислый, конфетный привкус. Именно этот привкус выжигается где-то в чертогах разума ярким клеймом.

Ритм музыки сменяется, и Илья спешно отстраняется от незнакомки. Он смеётся и немного отходит для более активного танца, для немного резковатых, но искренних движений телом. Вновь шагает к незнакомке, спешит закрутить её в новом движении, поддразнивает, обманывает тем, что отстраняется и в следующее мгновение прикасается губами к её скуле. Напористо целует подле мочки, виска, вновь в губы, но промахивается, «клюнув» в щеку, и даже это вызывает новую вспышку их общего смеха. Он снова склоняется к ней, и целует в третий раз.

Телефон в кармане её джинсов начинает вибрировать. Но девушка не отстраняется сразу. Пусть он запомнит всё так. Она делает шаг назад медленно, неспешно, так, словно хочет отложить этот момент. Её губы соскальзывают в уголок его губ, оставляя прощальный чмок.

И снова сводящую скулы сладость заменяет кислый вкус. Он распахивает свои глаза, наблюдая за тем, как её хрупкий силуэт отдаляется от него на достаточное расстояние. Илья

уже точно знает, что она сбегает, ускользает в толпу и не оставляет ему ни секунды форы. Но именно этим поступком она заинтересовывает его.

– В двенадцать часов карета превращается в тыкву, а платье в лохмотья, – говорит ему незнакомка в надежде, что её голос пробьётся сквозь громкую музыку. – Как жаль, что я не могу оставить тебе свою «туфельку».

– Ты могла бы оставить мне свой номер телефона.

– Это слишком просто, не находишь? – в глубине её карих глаз просыпаются ехидные чертята, заставляя Илью прикусить нижнюю губу. – Я не верю в судьбу, но... – девушка лёгким движением руки стягивает с указательного пальца тонкое золотое колечко. – Если это всё-таки судьба, и мы встретимся вновь, верни мне его. Не забудь, оно очень дорого для меня.

Илья шурится, сквозь блики света улавливает игривые искорки в её глазах. Он отпускает её и вытягивает ладонь для того, чтобы принять этот скромный подарок от незнакомки. Стрелецкий опускает голову, чтобы посмотреть на колечко, а когда поднимает взгляд – незнакомки уже и след простыл.

Толпа движется так, словно её среди этих людей никогда и не было. Свет мерцает под потолком, отскакивает от стен. Музыка медленно сменяет свой ритм, поднимая гул возбуждённой толпы, а Илья стоит посреди этого безумия, крепко сжимая в руках колечко. С одной только мыслью в голове: нужно было успеть украсть у неё не только кольцо, но и конфету. Ему становится безумно смешно и так тесно в груди от этих чувств, что он разрывается оглушительным смехом и плавно выходит обратно к барной стойке, где Кирилл ждёт его.

– Ты же знаешь французский, да? Как будет в переводе «маленькая французская пташка»?

– ««Petit oiseau français», а что? – Кирилл непонимающе хмурится, замечая на лице друга чрезмерное количество разных эмоций, но Илья будто его не слышит. Только садится за бар и вдумчиво рассматривает кольцо. Он не собирается отвечать на десяток новых вопросов друга.

Она – будто солнце, решившее выглянуть из-за туч и посетить его хмурюю обитель. Она находила самые чувствительные места на его шее и взглядом говорила: «Кем бы ты ни был, смотри на меня. Смотри на меня. Смотри на меня». Илья поддавался. Он закрывал глаза, чтобы всеми клеточками своего тела почувствовать пьянящую сладость поцелуя. Пока в голове взрывались целые галактики, он записывал всё, что только мог в свою память. Пауза. Пауза. Ему срочно нужно поставить этот мир на паузу.

Наверное, об этом стоит забыть сразу, как только он доберётся до дома.

Илья старательно игнорирует ту слабость, с которой он добирается к себе. Колечко в руках находит своё место на комод. Сбросив на пол стопки газет и бумаг с зарисовками новых идей для тату, небрежно нарисованных тушью и чёрными маркерами, Илья высвобождает для кольца больше места, чем нужно. Он создаёт незримый барьер, который наверняка должен изгнать назойливое чувство до рассвета. Но ни душ, ни уютная постель не помогают. Илья лежит, поглядывает на щель между неплотно закрытыми шторами, и одними только губами повторяет то, что сказал ему друг. Уснуть не получается. Кислый вкус, смешанный со сладким, странно напоминает о том, что мир вокруг ощущается так, как никогда прежде. Илья ругается, переворачивает подушку прохладной стороной вверх, пьёт воду, ест остатки пищи со вчерашнего дня и всё шепчет-шепчет эту французскую фразу как чёртово заклинание. А оно не срабатывает.

– Петит оисесу франциас... – Илья судорожно выдыхает.

Он садится на постели и тянется за стаканом воды, но вместо этого хватает злосчастное кольцо.

Притянув к себе маленькую безделушку, он осторожно смотрит через неё на мир и поднимается на ноги. Приходится потратить некоторое время, прежде чем в завалах собственных

вещей юноша находит тонкую цепочку, на которую и вешает кольцо. Он надевает цепочку на свою шею. Повторяет заклинание ещё раз, на всякий случай. И только после этого засыпает.

Он мечтает о том, чтобы незнакомка явилась к нему во сне, коснулась его шеи и шепнула, едва касаясь губами его губ: «Pardon?». В её глазах отражались бы цвета всего мира, взрывались и разлетались, как конфетти.

Глава 1

Париж, Франция

За 9 часов до...

– Компания уже готовится к сдаче квартир в новом жилом комплексе. Он расположен за городом, так что мы можем сыграть на этом. Отдел рекламы уже подготовил наброски баннеров, нужно их только утвердить. Также мы подписали договор с российской строительной компанией. Мы вложились в возведение нового высотного здания и имеем там свой процент помещений. Часть будет сдаваться в аренду, а часть будет устроена под офис компании. Месье Вуд заинтересован в том, чтобы наша компания вышла на российский рынок. Это поможет нам участвовать в рынках недвижимости России, что принесёт значительный доход и увеличит стоимость акций. Нам уже были представлены проекты будущих зданий. Мадемуазель Вуд, вы ознакомитесь с отчётом?

Адалин отодвигается назад, закидывает ногу на ногу и кладёт на колено телефон. Она нервно покусывает щёку изнутри. Цифры на экране сменяются: наступает ровно шестнадцать часов. До вылета ещё два часа, и Адалин почти считает минуты, совсем не вслушиваясь в отчёты. Она, как школьница за последней партой, пялится в экран телефона под столом и глупо улыбается от каждого нового сообщения.

Женя Павлецкая: Возьми побольше тёплых вещей! У нас вечерами может дуть ветер с Невы. И не забудь взять ваше вино с собой, для подарков. Парочку бутылок.

И следом приходит тут же:

А лучше четыре! Одну я подарю начальнице.

Предвкушение долгожданного отпуска полностью поглощает Адалин, и она не сразу слышит настойчивое обращение в свой адрес.

– Мадемуазель Вуд? Всё в порядке?

Теперь Адалин поднимает голову, смотрит на идеально одетого мужчину лет пятидесяти с крючковатым носом. Стараясь сделать как можно более отстранённое лицо, она поджимает губы, всеми силами не показывая, что последние пять минут активно переписывается с подругой, а не работает.

– Всё в порядке. Да... Эм... Скиньте мне на почту всё, что прислали вам проектировщики, а я скажу своё мнение по поводу проектов. Скажем... Через неделю? – она быстро блокирует телефон, упирается локтем в стол и скользит кончиками пальцев по вискам. – Я думаю, что мы можем закончить на этом. В честь долгожданного отпуска мне хотелось бы уйти с работы пораньше. Так что, если ни у кого больше нет вопросов, можете идти.

Все спешно шуршат бумагами, стучат закрывающимися ноутбуками и скрипят ножками стульев по плитке пола. Быстро прощаются, скрипят стеклянной дверью переговорки. Адалин мученически выдыхает, откидывается на спинку стула и запрокидывает голову назад. Она

давно не чувствовала такого сладкого предвкушения от будущей поездки; не зачёркивала дни в календаре; не собирала чемоданы за несколько недель вперёд до вылета.

– Вы отлично справляетесь, мадемуазель Вуд, – тёплый мужской голос раздаётся в комнате после того, как все остальные выходят. – Уже распланировала свою поездку, племянница?

Адалин тут же улыбается, поднимая голову. Она смотрит на мужчину ненамного младше её отца, с русыми волосами и зелёными, хитрыми глазами. Полная противоположность Энтони Вуда – холодного, отстранённого и не интересующегося ничем и никем, кроме работы; готового пойти по головам ради своих целей.

– Да, дядюшка Томас, – Адалин лениво складывает руки на груди, переводя глаза на панорамные окна переговоров. – Хочу походить по музеям, в театр обязательно. Но мне бы больше хотелось просто погулять.

– Твоя подруга уже ждёт тебя? Может, тебе лучше было бы снять номер в отёле? Всё безопаснее, чем ночевать у подруги, – дядя поджимает губы, коротко кивает на телефон в руках Адалин и отходит в сторону окон. – Хотя, если ты решишься уйти в загул, так тебя будет проще найти...

– Не переживай. У меня будет исключительно культурный отдых, дядя, – Ада поднимается со своего места. – Хотя не без походов в клуб, конечно. Думаю, что Женья придумала очень насыщенную программу.

Мужчина смеётся так тепло и по-доброму, что Аде становится больно. Пока отец запрещает ей думать о чём-то помимо работы, дядя всегда может поддержать её в любых начинаниях. Он – тот самый человек, который прикрывает её перед отцом. Томас поворачивается к девушке лицом, складывает руки на груди и опирается плечом о стекло, пока Адалин закидывает телефон в сумку.

– Мне нравится, что у тебя столько планов на поездку и что сейчас твоё состояние гораздо лучше. Не забудь только отдохнуть хорошенько, Ада. Кажется, потом у тебя не будет такой возможности. Брат всерьёз задумал переписать на тебя часть компании и в наследство оставить половину. В обход твоего брата, кстати. В конце концов, он всего лишь второй.

Адалин поджимает губы и кратко кивает – никак это не комментируя, потому что дядя в похожем положении, пусть и ситуация у них с отцом иная. Энтони и Томас – не близнецы, но даже у них деление активов проходило туго.

Адалин Велия Вуд. Богатая наследница одной из крупнейших компаний по реализации недвижимости во Франции. Корни её отца уходят куда-то в британскую аристократию, чем он постоянно кичится. Их семью даже приглашали на свадьбу Кейт и Уильяма, а Адалин тогда было уже пятнадцать лет, и она отлично запомнила всё торжество. После войны семья отца переехала в Париж, обосновалась тут и прочно пустила корни. Прадед Ады построил настоящую империю недвижимости, грамотно вкладываясь, а потом сдавая в аренду помещения, а то и целые здания. Несмотря на «голубую» кровь отцовской линии, мать Адалин ни принцессой, ни графиней, ни баронессой не была – возможно, имела отношение к давно вымершей русской аристократии, но об этом Ада ничего не знала. До замужества она была обычной балериной Мариинского театра. Её мама – удачливая русская девушка, в юности познакомившаяся с обольстительным французским миллиардером. «Чёртова история Золушки», как говорит её подруга Женья.

После свадьбы на свет появилась Адалин Велия, получившая громкое прозвище «принцесса Ада», и сразу после неё – младший брат-близнец Эдвард Кристоф. Факт очередности появления близнецов на свет несказанно злил её брата. А ещё его злило то, что из них двоих любимым ребёнком была Адалин. Отец, мать, общество – все и всегда обращали своё внимание лишь на дочь Вудов. И даже право унаследовать компанию досталось ей! Но больше всего Эдварда бесило время, разница, с которой родились близнецы. Он всерьёз верил в то, что 4 минуты и 16 секунд испортили всю его жизнь.

– Я лишь надеюсь, что мой брат будет крутиться где угодно, но не рядом со мной. Его выходки порядком... Надоели, – Адалин устало прикрывает глаза, сгребая стопки раскиданных по столу бумаг. – Эд... С каждым годом становится невыносимее. Не виделась бы с ним ещё столько же лет. Про все его поступки узнаю из интернета. Сколько мой богатый папочка тратит на то, чтобы замести за ним следы? Ах, не дай бог, кто-то узнает, что наш «чистый род» запятнан запрещёнными веществами и оргиями. Если брату так хочется получить компанию, почему бы ему хотя бы не попытаться разобраться, как тут всё работает?

– Мой племянник имеет ряд недостатков, но ты, принцесса Ада, полностью компенсируешь скотский характер своего близнеца. Он как маленький ребёнок, которому не досталась конфета, – фыркает Томас. – Ему давно уже пора повзреть.

– Хорошо, что твоих слов не слышит отец, дядя Томас.

Мужчина смеётся. Адалин складывает руки на груди и неспешным шагом подходит к панорамным окнам. Париж двигается в ритме перегруженного города. Ада кусает губы и оглядывает на вид перед собой.

– Я бы с радостью бросила всё и уехала из Парижа навсегда. Открыла бы пекарню, занялась чем-то спокойным, умиротворённым. Даже если придётся крутить круассаны остаток жизни, это намного лучше, – шёпотом произносит Ада. – Отец считает, что раз передал мне компанию, то может распоряжаться моей жизнью. Никаких танцев, никаких песен. Никаких подружек, у которых на счету меньше ста тысяч евро. Зато за Эдом он подтирает всё.

Томас тихо хмыкает и качает головой.

– Мой брат выбрал тебя. Эдварда наследником он не сделал. Пусть и мог подделать документы, подкупить акушеров, да что угодно.

– Чем и рассорил нас всех, – заключает Адалин, обняв себя за плечи.

– Не думай об этом хотя бы месяц, Ада, – выдыхает дядя. – Ты будешь целый месяц вдали от Парижа. Вдали от брата и отца.

– Короткая передышка во время битвы? – хмыкает Адалин, покосившись на Томаса.

– Передышка, но не капитуляция, – Томас озорно подмигивает ей.

– Лучше скажи, как идут дела с юристами, которых вы с бабушкой Женевьевой нашли? Ты сделал всё, как я просила? Не хочу потом, чтобы от отца досталось и вам.

– Можешь не переживать, принцесса Ада, – Томас кратко кивает. – Мы отправили все документы. Как только вся бюрократия будет закончена, я напишу тебе. Твой отец не узнает о маленьком плане твоего побега.

– Спасибо, – тихо шепчет Ада.

Она мягко улыбается, расслабившись от разговора с Томасом. И покидая переговорку, подхватывает сумку со стола, отстукивает незамысловатый ритм тонкими шпильками туфель. Весело махнув Томасу, она смотрит на него через плечо.

– Запри дверь, дядя. И передавай маме привет.

– Конечно, принцесса Ада. Конечно.

Стеклянная дверь переговорки бесшумно захлопывается за спиной Адалин и девушка спешит к лифту. Он приезжает как раз вовремя. Там уже стоит парочка сотрудников и они тут же вежливо здороваются, а Адалин учтиво склоняет голову, улыбнувшись самыми краешками губ. Ада приваливается к стенке и ненадолго прикрывает глаза – расслабляется – до тех пор, пока сигнал лифта не оповещает её о том, что они приехали на первый этаж. Охрана выпускает мадемуазель Вуд без вопросов: они подсакивают, как сумасшедшие, для того, чтобы опустить металлический поручень вниз. Адалин не понимает смысла этой суеты. В конце концов, у неё ведь тоже есть свой электронный пропуск.

Телефон Ады звонит и её губы расплываются в довольной улыбке, когда она видит имя абонента. «Женя Павлецкая». Цокот чужих каблучков и гул разговоров вокруг перестают существовать в тот самый момент, когда голос подружки начинает звучать из динамиков смартфона.

– Я надеюсь, что ты уже свалила с работы, собрала чемоданы и где-то на пути в аэропорт! Тебе ещё пить кофе и читать книжку в зале ожидания. Я клянусь, я лично приеду в Париж, если ты опоздаешь, Ада. Я хочу, чтобы по прилёту ты разгрузила все свои вещи, да и себя тоже! Мы с тобой расположимся у меня, наедемся суши, пиццы... О! И ходим потанцевать! Я подготовила для тебя обширную культурную программу. Не только же по музеям шастать.

– О господи, Женя, – весело хохочет Ада, покидая здание офиса. – Ты, кажется, радуешься моему приезду сильнее меня. Я закажу машину из аэропорта до твоего дома. Продублируешь адрес?

– Ты что, головой ударилась, красотка? Никаких «я закажу машину». Я сама тебя заберу. Прекращай свои богатенькие замашки и полностью положишься на меня. Женя Павлецкая не зря училась на туристическом направлении и точно знает, как развеселить тебя в отпуске. Ты главное приезжай, а я уже сама устрою тебе незабываемый месяц лета. Ещё вернуться захочешь!

Адалин не может сдержать рвущейся наружу улыбки. Она неспешно усаживается на заднее сидение машины, оглябая заботливо открытую водителем дверь. Они виделись с Женей, кажется, совсем недавно, в Греции – подруга приезжала туда по работе, а Ада на короткие пару дней передышки в выходные. И вот Женя скучает, рвётся устроить Адалин долгожданный отпуск.

– Не переживай, Жень. Я уже не соскочу точно. Билеты куплены, чемоданы собраны. Я сейчас заеду домой, заберу всё, переоденусь и поеду в аэропорт. К сожалению, ты знаешь мой адрес, а жить мне ещё хочется.

Адалин кивает водителю. Машина двигается с места.

– Неужели в экономе полетишь?

– Очень смешно, Жень. Шутишь отпадно, – Адалин закатывает глаза. – В бизнесе. Боюсь, что в первом будет слишком много знакомых, которые тоже решили взглянуть на красоты Санкт-Петербурга. Не хочу привлекать к себе лишнего внимания, и ты отлично знаешь, почему.

– Да-да. Твой долбанутый братишка. Я слишком хорошо запомнила то, что ты мне рассказывала о нём. Клянусь, если он испортит хотя бы секунду твоего пребывания в Питере, я ему глаз натяну на...

– Женя-Женя. Притормози, – Ада тихо смеётся. – Пожалуй, на этот месяц я вообще хочу забыть о брате и наших маленьких семейных распрах.

– Хороша семейная идиллия, когда батя вешает на дочь все наследственные обязательства, перекрывает ей воздух, а потом возмущается: «почему любимая доченька не хочет пить со мной чай по утрам?».

Я думала, что богатенькие папочки со своих дочек пылинки сдувают.

– Только если эти дочери безропотно выполняют прихоти отцов, Жень. Он виноват в смерти Дафны и думает, что после всего, что он сделал, я побегу обнимать его и трижды расцелую в щёки. – Ада поворачивает голову так, чтобы скользнуть взглядом по пронсящимся пейзажам Парижа. – Я и так не борюсь с ним открыто. Что ещё нужно?

– Всё-всё. Запретные темы не поднимаем, – искажённый динамиком голос Жени становится громче. – Ты зачем едешь ко мне? Правильно. Отдыхать! И кутить! И вкусно есть. А уж меланхолии с твоей стороны я не потерплю.

– Ладно. Всё. Я поднимаю руки вверх и сдаюсь вам, Евгения Викторовна.

– Ха! Жду тебя, малышка Ада.

В трубке слышатся длинные гудки.

Адалин улыбается.

– Клод, забери меня через полчаса, – Адалин внимательно смотрит в зеркало заднего вида и ловит кивок своего водителя.

Гул окружающего города укутывает и успокаивает Адалин, как только та выпархивает из машины. Слишком воодушевлённая предстоящей поездкой, она заходит в пустой лифт. С губ Ады не соскальзывает счастливая улыбка: она не может поверить, что целый месяц сможет свободно дышать!

Адалин вставляет ключ в замочную скважину и понимает, что дверь не заперта.

«Мама писала, что приедет попрощаться» – думает Ада про себя, открывает дверь и прислушивается к звукам. Кто-то недружелюбно гремит на кухне и не выходит ей на встречу... Нет, мама бы встречала её иначе.

Адалин крепче сжимает ключи, крадётся по коридору... Пальцами свободной руки Ада нащупывает в кармане телефон, пытается зажать комбинацию из кнопок и активировать функцию экстренного вызова.

В кухне что-то громко хлопает и сердце Адалин на мгновение останавливается.

Собрав всю свою смелость, она выходит из укрытия и...

Видит своего брата.

– Тебя не учили предупреждать о приходе?! – повышает голос Адалин. – Особенно, когда тебя здесь не рады видеть! – Вуд выдыхает и стаскивает с себя каблуки – из-за эмоций она даже забыла разуться.

Они были похожи и не похожи одновременно. Те же светлые волосы, тёплые карие глаза. Даже форма носа и линия губ. Черты лица были идентичны. Но взгляд, походка... Общий образ... «Непохожие друг на друга близнецы» – такими заголовками пестрели местные газеты, журналы и статьи в интернете, а рядом всегда красовались фотографии Эда во время очередной загульной тусовки.

Брат выглядывает из-за дверцы холодильника и громко откусывает яблоко. Акульным, недвижимым взглядом он смотрит за тем, как сестра выпрямляется, складывает руки на груди и упирается плечом в дверной косяк.

– Если ты пришёл раскаяться в своих грехах, самое время начинать, Эд, – Адалин лениво скользит глазами по беспорядку, который навёл брат. – Через полчаса я еду в Шарль де Голль. Так что будь добр, говори побыстрее, что тебе нужно.

Уголки губ Эдварда вздрагивают в улыбке, и он откидывает недоеденный фрукт в сторону – поведение избалованного жизнью засранца. Адалин старается не обращать на этот жест внимания, но кулаки сжимаются сами собой. Брат старался навести беспорядок не только в доме Адалин, но и в её жизни.

– Знаешь, принцесса Ада, папочка недоволен, что ты не оповестила его о своей поездке, – наигранно приторным голосом протягивает Эдвард. – Но по сравнению со мной твои преступления просто меркнут. Отличница в школе, диплом без плохих оценок, страсть к работе, которую на тебя повесили. Не пьёшь, не куришь, в скандалах замечена не была. Прям семейная гордость, не иначе. – Эд упирается локтями в столешницу рядом с холодильником.

– Ух ты, Эдвард, – хмыкает Адалин, возводя глаза к потолку. – Может быть, мы лучше поговорим о твоих грехах? Дебош в барах, закрытые тусовки с запрещёнными веществами, случайные связи. Дафна.

Эдвард издевательски смеётся, и Адалин сжимает челюсть так, что зубы скрипят. Она бы сейчас с радостью приложила Эдварда о дверцу холодильника, но и этого было бы мало. Кроме того, Ада не хочет уподобляться импульсивному характеру брата. Она умеет решать проблемы более... Демократично.

Эдвард вальяжно вышагивает, подходит ближе, и всё это время не сводит с Адалин хитрого, прищуренного взгляда. Словно хищник, Эд улыбается совсем не по-доброму. Настигнув сестру, он становится с ней вровень и тихо шепчет:

– Смерть Дафны и на твоей совести, сестрёнка. Это ведь ты нас познакомила. И ты не заметила всех этих маленьких изменений в нужное время. Ты не помогла. Ты не остановила её, когда она стояла на том мосту.

Адалин сжимает челюсти так крепко, что под скулами начинают проступать желваки. Ногти болезненно впиваются во внутреннюю сторону ладоней.

– Вали, Эд. Пока я не позвонила охране и тебя не выволокли отсюда за шкуру, как бездомного щенка! – почти шипит блондинка. – Вали, пока я не засунула тебе твои слова в задницу. Я буду рада видеть у себя дома своих близких, но ты мне – никто. И отцу можешь передать это! Валите оба из моей жизни.

Эдвард наигранно надувает губы, однако, громких споров не устраивает. Краем глаза Адалин замечает довольную улыбку на лице брата – он добился от неё эмоций, и ничего больше ему теперь не требуется.

– Отдыхай, сестрёнка, пока я даю тебе фору. Ситуация с твоей подружкой доказала, что и ты не идеальная дочка своих родителей. Тянет же тебя подбирать всякий... Мусор. Хорошего отдыха, сестрёнка!

Адалин провожает Эдварда глазами.

Входная дверь громко хлопает и Ада оседает на пол.

Глава 2

Июнь, 2021 год

Санкт-Петербург, Россия

– Принцесса Ада, какой чай ты будешь? У меня есть черничный, малиновый, женевский, с травами, зелёный, зелёный с лимоном, – Женя тихо смеётся, лезет на кухонный гарнитур и заглядывает за распахнутую дверцу шкафа. – Последний я бы не советовала, потому что лежит он тут с момента революции, – громкий голос Павлецкой немного оглушает, заставляет уставшую Аду прикрыть глаза и упереться лбом в прохладное оконное стекло. – Вчера такие пирожные купила в пекарне на первом этаже! Просто закачаешься. Всё как ты любишь. Не слишком сладкие, с таким приятеньким кислым джемом. Кажется... Лимонным? Честно, совсем в этом не разбираюсь. И мальчик на кассе такой хорошенький был!

– Давай зелёный чай. Без сахара только. А то для тебя «пол чайной ложки сахара» обычно превращаются в пять столовых, – на выдохе произносит Ада, отстраняясь от прохлады окна. – А насчёт пирожного – я хорошо подумаю. Это же так вредит фигуре... Одни красители и заменили вкуса, фу! – блондинка жмёт губы и откровенно насмешливая улыбка чуть проступает на её лице. – Ну, если уж кассир был таким симпатичным, можно и забыть о фигуре.

Женя корчит какую-то непонятную рожицу, тихо посмеивается и, громко стуча кружками, колдует над чаем. Обычные пакетики – сплошная дрянь, но Аде нравится. В такие моменты ей приятно чувствовать себя... Обычной. Не дочерью богатого папочки, который примет только вручную отобранную листья чая из самого Китая. Даже обычные напитки в их доме должны были подаваться в фарфоре с золотистой окантовкой. И, наверное, вприкуску с чёрной икрой – или чем там обычно питается Энтони Вуд? Ада никогда не завтракает с отцом и понятия не имеет.

На этом и строилась вся концепция «старых денег» Франции. Безнадёжно долгие приёмы, на которых собирается весь высший свет, чопорные обсуждения денег, бизнеса, недвижимости... Выяснение перспектив создания удачных союзов между семьями. Адалин всё это напоминало какой-то средневековый фэнтезийный сериал в стиле «Игры престолов». Богачи улыбались друг другу, шептали приятные и красивые слова, а за спиной продумывали, какую бы гадость проверить, чтобы оказаться в плюсе.

Со временем Ада отдалась от своей семьи и интриг старой французской аристократии. Перестала появляться на этих цирковых представлениях и взамен отдавала время работе, учёбе, музыке. Сначала она сократила контакт с ненавистным ей отцом, а потом окончательно рассорилась с братом. И лишь с матерью поддерживала какую-то связь – изредка они поздравляли друг друга с праздниками, присылали друг другу подарки или встречались в кафе. На нейтральной территории, потому что порог родного дома Адалин переступить не была готова. Выходные она проводила с бабушкой по отцовской линии – Женевьевой – и заворожённо наблюдала за тем, как гордая пожилая француженка раскатывает тесто, рассказывает истории и делится с внучкой тысячами рецептов.

И ей нравилось так жить – обычно. Приходить домой и заказывать доставку фастфуда, а не тащиться с личным водителем в дорогой ресторан, чтобы продемонстрировать всем свою идеальную причёску и дорогие туфли. Куда приятнее было оказаться в компании Жени. И сидеть вот так просто и расслабленно, в её евро двушке с высокими потолками и широкими подоконниками. Есть суши и пиццу, смотреть какой-нибудь фильм и ничего не стесняться. Женя ей нравилась. Их дружба была испытана временем и огромным расстоянием. Павлецкая была одной из немногих людей, при которых Адалин могла снять маску «аристократичной идеальности».

Они познакомились, когда Адалин было только шесть, а Жене уже одиннадцать. Тогда Ада приезжала сюда, в Санкт-Петербург, к своей тётке, сестре мамы. Маленькая Адалин выбежала на улицу, заблудилась... И пока сходящие с ума мама и тётка прочёсывали весь город вдоль и поперёк, используя возможности охраны Вудов – Женя нашла Аду и привела её домой. С тех пор они обменивались сначала письмами, а потом, с появлением социальных сетей – перешли в чаты. Девушки общались постоянно. Они созванивались, делились эмоциями и откровенничали. И быстро стали настоящими подругами. И вот... Теперь Адалин снова здесь, в Питере. И снова с Женей. Только теперь Ада не собиралась бездумно бегать по незнакомым улицам, и для проживания выбрала не помпезный отель, а уютную квартиру Павлецкой где-то на пересечении улицы Декабристов и Фонарного переулка.

Адалин спешит принять вызов, когда на экране её мобильного телефона высвечивается имя абонента «Тонн». С фотографии на неё смотрит улыбающееся лицо друга с задорной кудрявой копной и хитро сверкающими зелёными глазами. На этой фотографии Тоин получился похожим на озорного, сытого и довольного жизнью кота. Адалин улыбается, падает на Женин диван и принимает звонок.

– Ты спросила хотя бы его имя?

Голос на том конце трубки звучит нетерпеливо, с долей лукавства. Он просит... *Он требует* подробностей. И француженка тихо смеётся. Ну конечно же, вчера вечером она первым делом написала ему. Рассказала о своём ночном приключении. Просто потому, что не смогла удержать всю ту бурю эмоций, которая бушевала внутри неё.

Ада закидывает ноги на спинку дивана, кладёт телефон рядом с ухом. Запрокинув голову назад, она внимательно наблюдает за мельтешащей Женей, которая одновременно собирает портфель, ставит электронный чайник на подставку и щёлкает кнопкой. Адалин обводит свои губы кончиком языка. В тот вечер она была взволнована, но... Разве можно было забыть такое так просто? Воспоминания взрываются в её голове яркими вспышками, окатывают волной ощущений, заставляют вновь ощутить тот самый кисловатый вкус.

Адалин смотрит на экран своего телефона, сверлит глазами фото своего друга и задумывается над этим резким, бесцеремонным вопросом. Она не взяла его номер, не спросила имени. Хотя, наверное, стоило узнать хоть что-то? Ада смотрит на свою руку – ту, на которой ещё вчера красовалось золотое колечко. Глупо, конечно, надеяться, что проворная судьба может свести их в таком большом городе. Да и есть ли в этом смысл? Адалин приехала сюда на месяц, а потом вернётся во Францию – снова работать, сопротивляться отцу и с болью смотреть на поступки брата. Снова окажется в том аду, что угнетает её каждый день. Снова осознает: что ни делай, всё бессмысленно.

– Ты думаешь, я хорошо сообразала, Тонн? Он целовал меня... Самозабвенно. Как будто вокруг нас не гремела музыка, не танцевала толпа, – шепчет Вуд, снова рассматривая руку без кольца. – Так нежно и одновременно страстно. Мне кажется, у меня в тот момент отключился мозг. Знаешь... Я никогда ничего подобного не испытывала. Это...

– У тебя не выключился мозг, а атрофировался, Ада! Ты даже не взяла его номер! – продолжает причитать в трубке друг, пытаюсь пробиться сквозь блокаду воспоминаний подруги. – Ещё и кольцо ему отдала... Ох! Если он такой красавчик, как ты описываешь, то я бы на твоём месте схватил его и не отпускал! Вообще не понимаю, как можно было вот так сбегать! Ты как золушка, знаешь. Оставила ему лишь приятные воспоминания и туфельку. Вот только колечко-то может не только тебе подойти.

– У него очень красивые глаза. Такие... Серые. Как туман или пасмурное небо. Вот-вот и пойдёт ливень. И пахнет от него так приятно. Чёрт, – Ада прижимает холодные ладони к лицу.

Она не может выкинуть это мимолётное знакомство из головы. Закрывает глаза, и видит его лицо, чувствует его губы на своих губах и его руки на своём теле. Это какая-то болезнь?

Наваждение? Вожделение? Сладострастная мука и желание снова прижаться к его губам? Вдохнуть его запах?... Это... Спасение. В очереди учёбы, работы, публичных приёмов, на которых она обязательно должна была присутствовать, ссор с братом и отцом – произошедшее кажется спасением. Тем самым долгожданным глотком воздуха, который помогает не задохнуться под толщей воды. В тот момент Адалин практически не думала о собственных проблемах! Последний раз такое бывало только с одним человеком. Очень давно.

– *Любовь моя, страдай дальше по незнакомцу из-за того, что не взяла его номер телефона! А мне надо идти. Целую тебя в обе щеки.*

– *Да... Пока.*

Длинные тяжёлые гудки разрезают тишину комнаты. Адалин перекачивается на бок, блокирует телефон, и снова разваливается на диване. Она не спала всю ночь. Потому что ей снились его глаза, его блуждающие по телу руки. И губы. И голос. Боги! Его голос... Почему она никогда не сталкивалась с таким прежде? Почему не может справиться с собственными мыслями? Она видела так много красивых людей, слышала такое множество голосов, но никогда, никогда ранее не испытывала ничего подобного.

– О чём ты щебетала со своим лягушачьим дружком? Я услышала... М-м-м... «*Mon amour*» [прим. фр. «любовь моя»]? – Голос Жени пробивается сквозь томные мысли Адалин, забирая себе всё внимание. – И вообще, ты купальник надела? Там такой бассейн! А ещё всегда так тихо. Мы пожарим мясо, овощи. Тебе, небось, уже приелись эти французские рестораны. О! Тебе должна понравиться наша компания. Про Воронцова я тебе уже рассказывала. Ещё у нас есть Илья, у него несколько своих тату салонов. М-м-м... Есть Алиса. Она работает парикмахером. М-м-м... Ещё Серёжа и Дима. В общем! Я познакомлю тебя со всеми.

– Да. Здорово быть подальше от Франции и её причуд. Так что мне уже всё нравится, – Ада соскальзывает с дивана и спешит на поиски своего купальника.

Здесь, в России, её никто не знает. Никто не знает её отца, не знает о том, каким бизнесом он занимается и какими деньгами он располагает. Никто не знает её прошлого. Никто не стремится напомнить о нём. И от этого становится чуть спокойнее. Волнует лишь то, что кто-то мог прознать, что Ада здесь. Например, старые знакомые отца или матери, ведь Эдвард устроил ей незабываемое прощание, и Вуд теперь постоянно думает об этом. Тогда проблем точно не избежать. Но сейчас Ада старается отвлечься. Существует лишь весёлое щебетание Жени: их ждут бассейн, тихий загородный домик и жареные на костре мясо и овощи... Что может быть лучше? Ах, Ада даже не может сдержать фантазий о таком прекрасном, тихом отдыхе! Она делает глоток заваренного Женей чая, думая, что места лучше, чем этот город – ей не найти на всём белом свете.

– В пятницу мы, кстати, были в клубе одного из наших, – Женя ставит рюкзак около выхода, поворачивается к Адалин и упирается руками в бока. – Кирилла, как раз. У его родителей отельный бизнес по всей России. Небольшой такой. А он вот открыл клуб.

– Это не поэтому ли ты так резко пропала из моего поля зрения? – Адалин хитро щурит глазки, наблюдая за тем, как предательский румянец расплывается по бледным щекам подруги.

Женя спешно откашливается и тут же переводит взгляд на экран своего телефона. Она что-то бурчит себе под нос, желая поскорее сменить тему их разговора – это означает лишь то, что Вуд попала в яблочко. Ада тихо смеётся, заправляя оверсайз футболку в джинсовые шорты. Французская пташка, значит... Вуд прикусывает нижнюю губу, задумывается, а Женя продолжает торопить её со сборами. Адалин не верит в судьбу. Не верит... Но сейчас ей хочется, чтобы судьба сыграла ей на руку. Или не хочется?

– И вообще, я осуждаю твою вчерашнюю выходку. Понимаю, что тебе осточертел твой чопорный папаша и нескончаемый бубнеж братика, но целоваться с кем попало в клубе хуже всех безумств. Да-да, я сама не эталон благоразумия, но мало ли что с тобой могло случиться...

Он мог не отпустить тебя. Или у него мог быть герпес! Фу! Не у всех чисты помыслы. – Женя убирает телефон в задний своих шорт и поднимает на Аду свои потухшие зелёные глаза.

– Если бы ко мне кто-то приставал, – задумчиво тянет Адалин, допивая остатки чая. – Я бы, наверное, дала отпор. Ты недооцениваешь французов, Женя. Мы не только сладкие речи можем в уши лить.

– Я бы посмотрела, как ты лупишь его багетом по голове, – хмыкает Павлецкая, припоминая один из пресловутых стереотипов, которые так бесят Аду. И последняя не может сдержать негодование.

Женя больше ничего не говорит ей по поводу вчерашнего вечера и они складывают в сумки последние вещи, проверяют квартиру, закрывают все окна, вытаскивают вилки из розеток, и только потом, наконец, выходят. Спускаются вниз, выходят во внутренний двор, где быстренько находят серебряный «BMW» Павлецкой. За руль садится Женя.

– Итак, – Женя широко улыбается, когда заводит свою машину, медленно выворачивает руль и выезжает с паркинга. – Нас в компании шестеро. И каждые выходные мы «закрываем» рабочую неделю. Правда, вчера Илья сказал мне, что последний год они собирались не так часто, но... Думаю, что мы наверстаем упущенное. Забудь о ссоре с родителями и о своей чёртовой Франции. И о работе, Ада. Ты же приехала в Санкт-Петербург! Уж мы тебе точно скучать здесь не дадим. Не зря же говорят, что Петербург – город куража.

– Разве так говорят?

– Так говорю я, а я-то весьма достоверный источник информации, – Женя заговорщически подмигивает Аде.

– Звучит больше как угроза, – смеясь, произносит Адалин, разворачивая фантик и закидывая в рот свою любимую кислую конфетку.

Девушка пристёгивается, откидывается на спинку кресла и прикрывает глаза, вспоминая. Ох... Адалин почти не запомнила черты его лица, но вот глаза... Его глаза отпечатались в её памяти чёткой, яркой картинкой. Серые. Как пасмурное небо... А как он назвал её? Французская пташка? Губы сами собой растягиваются в улыбке. Пташка? Это было глупо, в какой-то степени даже... Странно. Словно ей пятнадцать, и она смотрит шаблонный, ванильный фильм про любовь. Словно всё это – далеко от реальности...

Женя водит аккуратно и умело. Ранним субботним утром они не встречают пробок и застают город только-только просыпающимся. Павлецкая крутит ручку на магнитоле, заполняя салон автомобиля приятной мелодией, заставляющей Адалин покачивать ногой в такт музыке.

Здесь, в её мыслях – только лето. Только расцветающий Санкт-Петербург и безудержное веселье. О! Адалин даже успела составить себе список мест, которые стоит посетить. Планы просто наполеоновские, и Адалин не собирается упускать ничего из своего списка. Женя с ней, конечно, по музеям таскаться не будет, но в досуге другого рода компанию составит с превеликой радостью.

Приоткрывая окошко автомобиля, Адалин впускает в салон прохладный летний воздух. Он щекочет, залезает под майку и треплет волосы, путает. Но Ада не замечает этого и блаженно прикрывает глаза. Не спит. Она просто наслаждается музыкой, ветром и пением Жени. Адалин расслабляется. Из головы исчезают лишние мысли, ненужные тревоги и переживания.

– Только не засыпай, умоляю. Мы практически приехали. Хочешь, я сварю тебе кофе? У Кирилла стоит неплохая кофе-машина, а ради Стрелецкого он даже купил турку и пакет зёрен, – Женя выкручивает руль, сбавляя скорость своей серебряной малышки, и сворачивает с главной дороги в густой лес. – Знаешь, когда мы были студентами, то приезжали сюда по любому поводу. Уж мы-то причину развлечься могли найти всегда... Сейчас это место пропитано ностальгией. О! Вот мы и приехали.

– А какой повод сейчас всё-таки? Не просто же «закрывать рабочую неделю»? – Адалин потягивается, отстёгивая ремень.

– У Ильи открывается ещё одна точка, тату-салон. У твоего папаши огромная компания, и вы не радуетесь каждому новому филиалу, я понимаю, но... Для «обычных смертных» это самый настоящий праздник, – протягивает Женя и хитро щурит свои глаза, за что получает от Адалин лёгкий шлёпок и смеётся.

Ада знакомится сразу и со всеми. Компания была в полном составе. Отсутствовал только виновник торжества.

В первую очередь, Адалин видит Кирилла, который, расталкивая всех остальных, мчит обнимать Женю и почти сбивает её с ног. Кирилл – блондин с растрёпанными волосами, россыпью веснушек по плечам и лисьими голубыми глазами. Он говорит и смеётся громче всех. И первый протягивает к Адалину руку, учтиво пожимая её тонкие пальцы. Потом Адалин видит Серёжу – кареглазого брюнета – который прицокивает, наблюдая за импульсивностью друга. Рыжеволосая Алиса смущённо машет Аде рукой. Последним к гостю подходит Дима – черно-волосый, высокий, с яркими и приятными, южными чертами лица.

Кирилл легонько подталкивает француженку к дому.

– Ну что, мисс Вуд, добро пожаловать в нашу компанию!

– Правильно «мадемуазель» же, белобрысое безобразие! – шикает сзади Женя, но Кирилл лишь смеётся.

* * *

Когда людям просто везёт, они теряют очень важный элемент в своей собственной жизни. Теряют ощущение триумфа, смешанное со сладостным удовлетворением где-то внутри. Когда перерезанная ленточка оказывается в ладони, чёрная как смоль, надежда возгорается с новой силой и пленяет своим невероятным ярким свечением.

Когда людям везёт, они не замечают того труда, что вкладывают остальные. Начинают с чего-то совсем незначительного, набивают себе мозоли неудачным опытом, экспериментируют. Даже если при этом приходится от многого отказаться. Илья считает, что везучие люди на самом деле несчастны. С того момента, как он начал бить татуировки, он всего себя посвящает искусству, становится частью чего-то большего. К успеху его привела не удача, а усердный труд.

Он сидит, изогнувшись над полуобнажённым телом, и исполняет уже привычный, приятно-странный ритуал. В новом, только что открывшемся салоне, первый посетитель получает бесплатную татуировку от владельца заведения. Гул чуть ниже его крепких изогнутых пальцев отдаётся внутри самого Ильи, где-то там, под рёбрами. Стрелецкий крепко сжимает тату-машинку. С таким же трепетом, с каким ещё совсем недавно сжимал чужое кольцо. Илья краем глаза наблюдает за тем, как любопытная толпа с интересом следит за молодым мастером. Слышит шепотки. И слышит, как сомнения сходят на нет, когда готовая татуировка открывается общему взору.

Илья осторожно выравнивается, натягивает кожу, разворачивает её под свет лампы и пристально разглядывает результат своей работы. Кожа покраснела и припухла настолько, что дальнейшая работа уже невозможна. К тому же, тиканье часов напоминает о том, что Стрелецкому давно пора ехать в загородный дом, к друзьям. Они, конечно, не озвучили причины сбора, но всё было очевидно с самого начала. Илья медленно стягивает чёрные латексные перчатки, попутно даёт наставления насчёт ухода за татуировкой, просит оформить запись на следующий сеанс и только после этого благодарно улыбается всем, хлопает другого тату-мастера по плечу и грациозно удаляется, делегируя оставшуюся работу своим подчинённым.

В этом – весь Илья. Весь его бизнес живёт своей жизнью, насыщенной и яркой. Он лишь регулирует поток клиентов. Следит за тем, чтобы тот не выбился за рамки возможностей сотрудников. Он знает, что уже вечером ему позвонят с первым отчётом, а на следующий день

он ввалится в салон с едой и напитками, чтобы отметить с командой первый рабочий день на новой точке. И это слово «первый» ещё долго будет звучать эхом, вдохновляя и воодушевляя его. Приятно осознавать, что его труд не напрасен. Даже без везения он достиг чего-то своими собственными силами.

Но что бы Илья из себя представлял, если бы не его близкие друзья? Друзья для него – те, кто стали ближе кровных родственников, сплелись нитью неразрывной связи и поддерживали так, как только могли. И что бы Илья делал без своего любимого хобби? Не вой под его ногами мотоцикл, проносящийся по просторам города – он бы совсем пропал. Благодаря двум этим пунктам, мир казался Илье прекрасным и никакая удача не была ему нужна...Илья мог смотреть на мир вокруг бесконечно. Так же, как на французскую пташку, замершую посреди танцпола в предвкушении поцелуя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.